

Павел **МАРЧЕНЯ**,
кандидат исторических наук

БЕЗУМИЕ И ЛОГИКА РУССКОЙ СМУТЫ

От Февраля к Октябрю 1917-го

Ещё в XIX веке автор знаменитой книги о выдающихся массовых безумствах Ч. Маккей записал: «Изучая историю различных народов... мы обнаруживаем, что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую, сходят с ума... мы видим, как одну нацию, от высшего до низшего сословия, внезапно охватывает неистовое желание военной славы, а другая, столь же внезапно, сходит с ума на религиозной почве, и ни та, ни другая не могут прийти в себя, пока не прольются реки крови и не будут посеяны семена из стонов и слёз, плоды которых придётся пожинать потомкам»¹.

XX век капитально пополнил коллекцию коллективных психозов, подорвав остатки былой веры учёных в рациональную логику истории. Как признался британский историк Г. Фишер, «люди более мудрые, чем я, и более образованные различали в истории сюжет, ритм, заранее задуманную систему. Эти гармонии от меня скрыты. Я вижу только поток бедствий, следующих одно за другим, как волны»². В таком контексте русская смута 1917 года стала и ярчайшим проявлением иррациональных сил в истории, и объектом, нуждающимся в рациональном преодолении, в прагматическом учёте его реальной природы и закономерностей. Сознвая наивность и уязвимость своих усилий, пытаемся обнаружить в этом потоке элементы конкретно-исторической логики, определившей сравнительную последовательность и целостное единство всеобщего сдвига: от бессилия оставшейся мифом демократии — к мощи ставшей реальностью диктатуры.

Тому, как в течение лишь восьми месяцев в борьбе с «всеобщим безумием» поочередно пережили падение и многовековая монархия, и новоявленная «демократия», посвящены горы специальной литературы. Но ни о каком единстве по вопросу об основаниях именно такой последовательности событий и речи быть не может³. Однако, пока среди

российского интеллектуального класса нет минимально необходимой для нормального развития государства и общества историко-политической конвенции о былом, невозможно достичь компромисса и по поводу грядущего. Почти век сохраняет свою актуальность спор о «спасительности» и «закономерности» либо «катастрофичности» и «случайности» победы большевиков, об исторической «разумности» и «логичности» либо «безумстве» и «патологичности» рокового Семнадцатого...

Примечательно, что В. И. Ленин сам нередко использовал по политическим поводам термины из области психиатрии: называл «больными», «умалишёнными» и «истериками» тех, кто ставил под сомнение выводы его «научного» анализа; про людей, путающих партию с классом, утверждал, что они должны содержаться в соответствующих лечебницах, и т. д.⁴ Фразеология, связанная с темой безумства, характерна для большинства участников и очевидцев⁵. А. Ф. Керенский, продолжая высоко оценивать Февраль, 25 октября 1917 года подписал приказ № 814, в котором официально (в юридическом документе!) поставил «медицинский диагноз» исключительно большевикам: «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели»⁶. А консерватор И. А. Ильин уже Февральскую революцию определял как «февральское безумие»⁷.

Массу подтверждений тому, что использование термина «безумие» не являлось штампом, а было чем-то гораздо более глубоким, можно найти, обратившись к творческим прозрениям цвета художественной интеллигенции России. «Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение? Была ли ты? есть? или нет? Омут... стремнина... головокруженье... Бездна... безумие... бред...» — размышлял Максимилиан Волошин. «Было время безумных действий, время диких стихийных сил...» — запечатлел Сергей Есенин. О революции как «кровавом безумии» и «повальном сумасшествии» писал Иван Бунин. Как «святое безумие» приветствовал Октябрь Андрей Белый, и по этой причине с ним, как и с Блоком, и Брюсовым, порвала отношения Зинаида Гиппиус, ненавидевшая революцию за то, что в её корне «лежит Громадное Безумие». Про то, что безумие было не только большевистским, написал Короленко: «...надо признать: это безумие большинства активно-революционной демократии»⁸.

Однако в центре нашего внимания находится не элитарное видение русской смуты как неистовства метаисторических сил, а массовое сознание смутного времени в его взаимодействии с основными политическими силами как ключ к пониманию безумия и логики революционного процесса в России⁹. Занесённые смутой на вершину власти «демократические силы» на протяжении всего периода от Февраля к Октябрю демонстрировали вопиющее невнимание к процессам, вызревающим в толще демоса. В условиях безвластия официальных структур «масса» стала выполнять функции фактического органа власти, прибегая к традиционным свойственным ей методам насилия. Дальнейшая история недвусмысленно продемонстрировала, как опасно игнорирование коллективного бессознательного со стороны носителей рациональной политики¹⁰.

При анализе Смуты, потрясшей основы Российской империи, необходимо учитывать как идеологические, так и психологические системообразующие параметры империи. В её основе лежит идея служения Императиву, и в этом смысле Империя есть утопия. Но это работающая и, как показывает история, эффективно работающая утопия. Можно долго спорить, является ли мифом существование России как Империи в смысле земного оплота Императива и Державы, в смысле силы, сдерживающей Зло. Но вряд ли кто-то, знакомый с историей, возьмётся оспорить тот факт, что, когда наш народ в это действительно верит, он способен на чудеса героизма и подвиги созидания. И напротив, все положительные черты

народной ментальности готовы вывернуться разрушительной изнанкой, когда власть подрывает веру в себя как выразителя Имперской идеи. Однако в самом существе Империи уже заложен изначальный антагонизм между утопическим стремлением к воплощению вневременных ценностей и невозможностью их практической реализации в ценностях конкретно-исторических. В этом взрывоопасном взаимопроникновении утопии и истории кроются и загадка удивительной жизнеспособности империй, и разгадка цикличности имперских кризисов. Смутные времена начинаются с идеологического банкротства государства и психологического отчуждения масс от властной элиты, а заканчиваются с приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции¹¹.

По мнению исследователя, «отрицание государства и его сакрализация — два полюса русской жизни, напряжение между которыми составляет нерв отечественной истории и формирует диалектику Смуты»¹². По нашему мнению, стоит уточнить, что это не «два полюса», а единый целостный механизм имперского сознания: отрицается государство несакральное, неистинное, чужое — во имя государства сакрального, истинного, признаваемого своим. Функция смуты в русской истории заключается не в том, чтобы обеспечить разрыв традиции, а в том, чтобы его не допустить. Смысл смуты — не «стремление к обновлению Космоса через Хаос»¹³, а, скорее, стремление к восстановлению баланса между Утопией и Историей в жизни Империи и сознании её жителей. Когда в 1917 году Российская империя оказалась без императора, официальная Имперская идея была девальвирована: крах самодержавия сопровождался кризисом православия и потерей народной «почвы». Политические силы, претендующие на власть, должны были предложить вышедшим на арену истории массам новую, доступную их сознанию Идею, способную скрепить устои пошатнувшейся государственности и консолидировать общество. История предоставила шанс

всем актуальным политическим партиям России реально проявить свои потенциальные возможности, воплотить в жизнь доктринально провозглашённые «исторические альтернативы».

Сразу несколько таких «бумажно-исторических альтернатив» получили возможность побороться за право на наследование за царизмом. В качестве наследства выступала власть над самой крупной из сухопутных империй мира, а она не могла перейти из рук в руки легко и безболезненно. Фактическая капитуляция перед вызовами Новейшего времени поставила на повестку дня вопрос о самой возможности сохранения России в её имперском формате¹⁴.

«Смута» воцарилась не просто на геополитическом пространстве, утратившем привычные скрепы самодержавной государственности. Ещё в большей степени «смута» установилась в мифологическом пространстве сознания, и без того склонного к крайностям русского народа, мобилизованного в сферу «большой политики», о которой он имел самое смутное представление. Но среди множества сомнительных мифов смуты есть и непреложный факт истории: победу на этом тендере партийных утопий вырвал большевизм, почти никем из конкурентов не принимавший всерьёз. Но именно большевики «оказались у «касы истории». И взяли её...»¹⁵.

Конкретно-историческое исследование взаимодействия масс и партий от Февраля к Октябрю ставит под сомнение реальное наличие так называемой демократической альтернативы. В сознании масс, разочарованных беспомощностью «демократии» и развращённых бесправием, стали безоговорочно доминировать экстремистские настроения. Погромы, охватившие всю «демократическую» Россию, самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в «массы». В аналитических обзорах МВД Временного правительства отмечалось, что сами массы начинают уставать от безвластия. Излюбленными объектами «революционных выступлений» разочаровавшихся в политике масс становятся склады спирта и винные погреба. Посланные на усмирение солдаты

охотно примыкают к бесчинствующей массе. «Всё чаще и чаще разгром направляется на винные склады и пьяная толпа своими бесчинствами терроризирует население городов. Одновременно аграрное движение приобретает характер продовольственных эксцессов и, перебрасываясь в города, сливается с солдатским погромным движением в один широкий поток»¹⁶.

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не пожелали согласовать своё политическое поведение с вырвавшейся на улицы стихией масс. Они отдали инициативу большевикам, превратившим сферу массового сознания в полигон схватки за власть, а массы — в орудие «взлома» «демократических» структур и придания готовящемуся перевороту нравственного оправдания и масштаба общегосударственной революции. Большевики сумели заменить идеократический комплекс «Православие — Самодержавие — Народность» на аналогичный: «Коммунизм — Диктатура — Партийность», вернув массам чувство сопричастности Императиву. Так они кристаллизовались в силу, способную прекратить смуту и воссоздать Империю в её новом историческом качестве. И в этом проявилась «логика смуты».

Мало кто из описывавших вакханалию «красной смуты» удержался от соблазна напомнить о «бессмысленности и беспощадности русского бунта». Автор солидарен с теми коллегами, которые именно осмысление пресловутой «бессмысленности» считают ключевой задачей истории смут. Рождающее смуту безумие следует замечать не только в стихии массового насилия, но и в действиях элит, не обеспечивших поддержку проводимой политики массовым сознанием. Во избежание срыва общества в очередное историческое безумие масштабные преобразования не должны противоречить исторической логике. А то, насколько народные массы «конструктивны» либо «нигилистичны» по отношению к предлагаемому им «историческим альтернативам», напрямую зависит от того, способны ли элиты понимать массы, адекватны ли они собственному народу.

Примечания

1. Маккей Ч. Наиболее распространённые заблуждения и безумства толпы. М. 1998. С. 14.
2. Цит. по: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. 2004. С. 32.
3. См.: Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»// Власть. 2010. № 4–7.
4. См.: Ферро М. Символика и политика во время революции 1917 г.//Анатомия

- революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб. 1994. С. 366–368.
5. См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997. С. 346–348.
6. Политические деятели России 1917. М. 1997. С. 148.
7. Ильин И. А. О сопротивлении злу// Новый мир. 1991. № 10. С. 217.
8. Короленко В. Г. Дневники (1917–1921)//Вопросы литературы. 1990. № 6. С. 215.

9. Марченя П. П. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке// Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». 2009. № 17.
10. См.: Марченя П. П. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции//Россия и современный мир. 2008. № 4.
11. См.: Марченя П. Империя, партии и массы в русской смуте//Власть. 2010. № 3.

12. Соловей В. Россия накануне Смуты// Свободная мысль — XXI. 2004. № 12.
13. Он же. Октябрь. 1917–2007//Нева. 2007. № 11.
14. См., например: Chubarov A. The fragile empire: a history of Imperial Russia. New York. 1999.
15. Пивоваров Ю. С. О русских революциях: Послесловие//Труды по россиеведению. Вып. 1. М. 2009. С. 37.
16. См.: ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 47, 52, 151 об.—153 об.